

Погиб при исполнении

Некриминальная история

Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою
за друзей своих.

Ин. 15: 13

И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, — скажет, — и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! Образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголют премудрые, возглаголют разумные: «Господи! Почто сих приемлеш?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...»

Ф. М. Достоевский.

Преступление и наказание

Было уже десять часов вечера, когда в епархиальном управлении раздался резкий звонок. Только что прилегший отдохнуть Степан Семенович, ночной сторож, недовольно ворча: «Кого это нелегкая носит?», шаркая стоптанными домашними тапочками, поплелся к двери. Даже не спрашивая, кто звонит, он раздраженно крикнул, остановившись перед дверью:

— Здесь никого нет, приходите завтра утром!

Но за дверью бесстрастный голос ответил:

— Срочная телеграмма, примите и распишитесь.

Получив телеграмму, сторож принес ее в свою каморку, включил настольную лампу и, нацепив очки, стал читать: «27 июля 1979 года протоиерей Федор Миролюбов трагически погиб при исполнении служебных обязанностей, ждем дальнейших указаний. Церковный совет Никольской церкви села Бузихино».

— Царство Небесное рабу Божьему отцу Федору, — сочувственно произнес Степан Семенович и еще раз перечитал телеграмму вслух. Смущала формулировка: «Погиб при исполнении...» Это совершенно не клеилось со священническим чином.

«Ну там милиционер или пожарный, в крайнем случае сторож, не приведи, конечно, Господи, это еще понятно, но отец Федор?» — пожал в недоумении плечами Степан Семенович.

Отца Федора он знал хорошо, когда тот еще служил в кафедральном соборе. Батюшка отличался от прочих клириков собора простотой в общении и отзывчивым сердцем, за что и был любим прихожанами. Десять лет назад у отца Федора случилось большое горе в семье — убит был его единственный сын Сергей. Произошло это, когда Сергей спешил домой порадовать родителей выдержанным экзаменом в медицинский институт, хотя отец Федор мечтал, что сын будет учиться в семинарии.

— Но раз выбрал путь не духовного, а телесного врача, все равно — дай ему Бог счастья... Меня будет на старости лечить, — говорил отец Федор Степану Семеновичу, когда они сидели за чаем в сторожке собора. Тут-то их и застала эта страшная весть.

По дороге из института увидел Сергей, как четверо парней избивают пятого прямо рядом с остановкой автобуса. Женщины на остановке криками пытались урезонить хулиганов, но те, не обращая внимания,

уже лежащего молотили ногами. Мужчины, стоявшие на остановке, стыдливо отворачивались. Сергей, не раздумывая, кинулся на выручку. Кто его ножом пырнул, следствие только через месяц разобралось. Да что от этого проку, сына отцу Федору уже никто вернуть не мог.

Сорок дней после смерти сына отец Федор служил каждый день заупокойные обедни и панихиды. А как сорок дней прошло, стали частенько замечать отца Федора во хмелю. Бывало, и к службе приходил нетрезвым. Но старались не укорять, понимая его состояние, сочувствовали ему. Однако вскоре это стало делать все труднее. Архиерей несколько раз переводил отца Федора на должность псаломщика, для исправления от винопития. Но один случай заставил владыку пойти на крайние меры и уволить отца Федора за штат.

Как-то, получив месячную зарплату, отец Федор зашел в рюмочную, что находилась недалеко от собора. Завсегдатаи этого заведения относились к батюшке почтительно, ибо по своей доброте он потчевал их за свой счет. В тот день была годовщина смерти сына, и отец Федор, кинув на прилавок всю зарплату, приказал угощать всех, кто пожелает, весь вечер. Буря восторгов, поднявшаяся в распивочной, вылилась в конце пьянки в торжественную процессию. С соседней строительной площадки были принесены носилки, на них водрузили отца Федора и, объявив его Великим Папой Рюмочной, понесли через весь квартал домой. После этого случая отец Федор и угодил за штат. Два года он был без служения до назначения его в Бузихинский приход.

Степан Семенович в третий раз перечитал телеграмму и, повздыхав, стал набирать номер домашнего телефона владыки. Трубку поднял келейник владыки Слава.

— Его высокопреосвященство занят, зачитайте мне телеграмму, я запишу, потом передам.

Содержание телеграммы Славу озадачило не меньше, чем сторожа. Он стал размышлять: «Трагически погибнуть в наше время — пара пустяков, что весьма часто и происходит. Вот, например, в прошлом году погиб в автомобильной катастрофе протоиерей с женой. Но при чем здесь служебные обязанности? Что может произойти во время богослужения? Наверное, эти бузихинцы что-то напутали».

Слава был родом из тех мест и село Бузихино знал хорошо. Оно было знаменито строптивым характером сельчан. С необузданным нравом бузихинцев пришлось столкнуться и архиерею. Бузихинский приход доставлял ему хлопот более, чем все остальные приходы епархии, вместе взятые. Какого бы священника к ним архиерей ни назначал, долго тот там не задерживался. Прослужит год, ну от силы другой — и начинаются жалобы, письма, угрозы. Никто бузихинцам угодить не мог. За один год трех настоятелей пришлось сменить. Рассердился архиерей, два месяца к ним вообще никого не назначал. Бузихинцы эти два месяца, как беспоповцы, сами читали и пели в церкви. Только от этого мало утешения, обедню-то без батюшки не отслужишь, стали просить священника. Архиерей говорит им:

— Нет у меня для вас священника, к вам на приход уже никто не желает ехать!

Но те не отступают, просят, умоляют:

— Хоть кого-нибудь, хоть на время, а то Пасха приближается! Как в такой великий праздник без батюшки? Грех.

Смилостивился над ними архиерей, вызвал к себе бывшего в то время за штатом протоиерея Федора Миролюбова и говорит ему:

— Даю тебе, отец Федор, последний шанс для исправления, назначаю настоятелем в Бузихино, продержишь-ся там три года — все прощу.

Отец Федор от радости в ноги архиерею поклонился и, побожившись, что уже месяц, как в рот не берет ни грамма, довольный поехал к месту своего назначения.

Проходит месяц, другой, год. Никто архиерею жалоб не шлет. Это радует его высокопреосвященство, но в то же время и беспокоит: странно, что жалоб нет. Посылает благочинного отца Леонида Звякина узнать, как обстоят дела. Отец Леонид съездил, докладывает:

— Все в порядке, прихожане довольны, церковный совет доволен, отец Федор тоже доволен.

Подивился архиерей такому чуду, а с ним и все епархиальные работники, но стали ждать: не может такого быть, чтобы второй год продержался.

Но прошел еще год, третий пошел. Не вытерпел архиерей, вызывает отца Федора, спрашивает:

— Скажи, отец Федор, как это тебе удалось с бузихинцами общий язык найти?

— А это нетрудно было, — отвечает отец Федор. — Я как приехал к ним, так сразу смекнул их главную слабость, на ней и сыграл.

— Это как же? — удивился архиерей.

— А понял я, владыко, что бузихинцы — народ непомерно гордый, не любят, когда их поучают, вот я им и сказал на первой проповеди: так, мол, и так, братья и сестры, знаете ли вы, с какой целью меня к вам архиерей назначил? Они сразу насторожились: «С какой такой целью?» — «А с такой целью, мои возлюбленные, чтобы вы меня на путь истинный направили». Тут они совсем рты разинули от удивления, а я дальше валяю: «Семинариев я никаких не кончал, а с детских лет пел и читал на клиросе и потому в священники вышел как бы полуграмотным. И по недостатку образования пить стал непомерно, за что и был уволен со службы за штат». Тут они сочувственно закивали головами. «И, оставшись, — говорю, — без

средств к пропитанию, я влачил жалкое существование за штатом. В довершение ко всему моя жена оставила меня, не желая разделять со мной моей участи». Как такое сказал, так у меня на глазах слезы сами собой навернулись. Смотрю, и у прихожан глаза на мокром месте. «Так бы мне и пропасть, — продолжаю я, — да наш владыка, дай Бог ему здоровья, своим светлым умом смекнул, что надо меня для моего же спасения назначить к вам на приход, и говорит мне: «Никто, отец Федор, тебе во всей епархии не может помочь, окромя бузихинцев, ибо в этом селе живет народ мудрый, добрый и благочестивый. Они тебя наставят на путь истинный». А потому прошу вас и молю, дорогие братья и сестры, не оставьте меня своими мудрыми советами, поддержите, а где ошибусь — укажите. Ибо отныне вручаю в руки ваши судьбу свою». С тех пор мы и живем в мире и согласии.

На архиерея этот рассказ, однако, произвел удручающее впечатление.

— Что такое, отец Федор? Как вы смели приписывать мне слова, не произносимые мной? Я вас послал как пастыря, а вы приехали на приход овцой заблудшей. Выходит, не вы паству пасете, а она вас пасет?

— А по мне, — отвечает отец Федор, — все равно, кого пасет, лишь бы мир был и все были довольны.

Этот ответ совсем вывел архиерея из себя, и он отправил отца Федора за штат.

Бузихинцы вновь присланного священника вовсе не приняли и грозились, что если отца Федора им не вернут, то они до самого патриарха дойдут, но от своего не отступят. Самые ретивые предлагали заманить архиерея на приход и машину его вверх колесами перевернуть, а назад не перевертывать, пока отца Федора не вернут. Но архиерей уже поостыл и решил скандала далеко не заводить. И отца Федора бузихинцам вернул.

Пять лет прошло с того времени. И вот теперь Слава держал телеграмму, недоумевая, что же могло произойти в Бузихине.

А в Бузихине произошло вот что. Отец Федор просыпался всегда рано и никогда не залеживался в постели, умывшись, прочитывал правило. Так начинался каждый его день. Но в это утро, открыв глаза, он почти полчаса понежился в постели с блаженной улыбкой: ночью видел свою покойную мать. Сны отец Федор видел редко, а тут такой необычный, такой легкий и светлый.

Сам отец Федор во сне был просто мальчиком Федей, скакавшим на коне по их родному селу, а мать вышла к нему из дома навстречу и крикнула: «Федя, дай коню отдых, завтра поедете с отцом на ярмарку». При этих словах отец Федор проснулся, но сердце его продолжало радостно биться, и он мечтательно улыбался, вспоминая детство. Видеть мать во сне он считал хорошим признаком, значит, душа ее спокойна, потому как в церкви за нее постоянно возносятся молитвы об упокоении.

Бросив взгляд на настенные ходики, он, кряхтя, встал с постели и побрел к умывальнику. После молитвы, по обыкновению, пошел пить чай на кухню, а напившись, расположился тут же читать только что принесенные газеты. Дверь приоткрылась — и показалась вихрастая голова Петьки, внука церковного звонаря Парамона.

— Отец Федор, а я вам карасей принес, свеженьких, только что наловил.

— Ну проходи, показывай свой улов, — добродушно пробасил отец Федор.

Приход Пети был всегда для отца Федора радостным событием, он любил этого мальчика, чем-то напоминавшего ему его покойного сына. «О, если бы он прошел мимо, не осиротил бы своего отца, сейчас у меня были бы,

наверное, внуки. Но так, значит, Богу угодно», — мучительно размышлял отец Федор.

Петьку без гостинца не оставлял, то конфет ему полные карманы набьет, то пряников. Но, конечно, понимал, что Петя не за этим приходит к нему, а уж больно он любопытный, обо всем расспрашивает отца Федора, да такие вопросы иногда мудреные задает, что не сразу и ответишь.

— Маленькие карасики, — оправдывался Петя, в смущении протягивая целлофановый мешочек с дюжиной небольших, с ладонь, карасей.

— Всякое даяние благо, — прогудел отец Федор, кладя карасей в холодильник. — Да и самое главное, что от труда рук своих принес подарок. А это я для тебя припас. — И с этими словами он протянул Петьке большую шоколадную плитку.

Поблагодарив, Петя повертел шоколад в руке, попытался сунуть в карман, но шоколад не полез, и тогда он проворно сунул его за пазуху.

— Э-э, брат, так дело не пойдет, пузо у тебя горячее, шоколад растает — и до дому не донесешь, лучше в газету заверни. А теперь, коли не торопишься, садись, чаю поьем.

— Спасибо, батюшка, мать корову подоила, так молока уже напился.

— Все равно садись, что-нибудь Расскажи.

— Отец Федор, мне дед говорит, что, когда я вырасту, получу от вас рекомендацию и поступлю в семинарию, а потом буду священником, как вы.

— Да ты еще лучше меня будешь. Я ведь неграмотный, в семинариях не учился, не те годы были, да и семинариев тогда уже не было.

— Вот вы говорите «неграмотный», а откуда же все знаете?

— Читаю Библию, еще книжки кое-какие есть. Немного и знаю.

— А папа говорит, что нечего в семинарии делать, так как скоро Церковь отомрет, а лучше идти в сельхозинститут и стать агрономом, как он.

— Ну, сказанул твой батя, — усмехнулся отец Федор. — Я умру, отец твой умрет, ты когда-нибудь помрешь, а Церковь будет вечно стоять, до скончания века.

— Я тоже так думаю, — согласился Петя. — Вот наша церковь сколько лет стоит, и ничего ей не деется, а клуб вроде недавно построили, а уж трещина по стене пошла. Дед говорит, что раньше прочно строили, на яйцах раствор замешивали.

— Тут, брат, дело не в яйцах. Когда я говорил, что Церковь будет стоять вечно, то имел в виду не наш храм, это дело рук человеческих, может и разрушиться. Да и сколько на моем веку храмов да монастырей взорвали и поломали, а Церковь живет. Церковь — это все мы, верующие во Христа, и Он — глава нашей Церкви. Вот так, хоть твой отец грамотным на селе слывет, но речи его немудрые.

— А как стать мудрым? Сколько надо учиться, больше, чем отец, что ли? — озадачился Петя.

— Да как тебе сказать... Я встречал людей совсем неграмотных, но мудрых. «Начало премудрости — страх Господень» — так сказано в Священном Писании.

Петя хитро сощурил глаза:

— Вы в прошлый раз говорили, что Бога любить надо. Как это можно и любить, и бояться одновременно?

— Вот ты мать свою любишь?

— Конечно.

— А боишься ее?

— Нет, она же не бьет меня, как отец.

— А боишься сделать что-нибудь такое, отчего мама твоя сильно бы огорчилась?